

САЙ ФРУМКИН

КАК Я ПРОВЕЛ ТРИ НЕДЕЛИ НА ИЗРАИЛЬСКОЙ ВОЕННОЙ БАЗЕ

ЧАСТЬ 4

Самое известное имя американского солдата во время 2-ой мировой войны - это Килрой (Kilroy). Существовал ли он на самом деле, никто не знает, он был полностью анонимен, но где бы не появлялись американские солдаты, они всегда видели рисунок лица, с руками над забором, закрывающим пол-лица, с сопроводительной надписью: "Килрой был здесь"! Вы об этом никогда не слышали? Напечатайте на поисковом сайте Google "Kilroy was here", и Вы получите более 30 страниц!

Отправляясь в Израиль добровольцем, я подумал, а почему бы мне не стать израильским Килроем? Нам сказали, что мы будем помогать ремонтировать танки в Негеве, и я собирался по секрету от всех сделать на всех починенных танках надпись розовой краской: "Фрумкин был здесь". Затем я подумал, что еще кто-нибудь может последовать моему примеру, и кто знает, как эта идея сможет распространиться.

Ребячество? Конечно, но я собирался это сделать во что бы-то ни стало. Но потом оказалось, что к танкам нас вообще не подпустили. Армейская база, куда мы были посланы,

занималась, по словам ее командующего, полковника Йосси, "обновлением" медикаментов. На следующий день после нашего приезда он разъяснил нам, недоумевающим от увиденного на его базе, что мы будем распаковывать медикаменты, возвращенные со всех израильских военных баз, проверять даты истечения их срока действия, выкидывать старые и заменять их новыми. "Обновленные" пакеты будут отправляться обратно. Некоторые из медикаментов, которые мы заменили, были не то что старые, они были просто древние. Нам попадались коробки с перевязочными материалами, которые были выданы британской армии, размещенной в Палестине в 1943 году - 50 лет тому назад! Но если упаковка была не повреждена, их кидали в груды "обновленных" и отправляли обратно.

Полковник Йосси был просто очаровательным человеком. Он доверительно сообщил нам, что он постарается решить любые наши проблемы, и мы можем обращаться к нему за помощью безо всякого стеснения. (Я так и не узнал его фамилию. В израильской армии обходятся без формальностей. Все рядовые обращаются к своим офицерам по имени, и я никогда не видел, чтобы кто-то отдавал честь. В наш последний день добровольцев собрали в маленьком зале, где мы должны были выслушать прощальную речь и получить памятные удостоверения и значки. Когда в зал вошел полковник, я, умудренный опытом, вскочил и изо всех сил завопил: "Attenhut"! Все добровольцы встали и продолжали стоять, пока полковник шел к сцене со сконфуженным выражением на лице. Он стал махать руками, умоляя нас сесть. "Спасибо", - сказал он. "Такого со мной еще никогда не случилось".)

Полковник Йосси с гордостью сообщил нам, какие у него замечательные бараки для добровольцев: "В этом году там есть полы и потолки". Когда кто-то спросил, что было у добровольцев в прошлом году вместо полов и потолков, он с гримасой сказал: "Лучше не спрашивайте". На самом деле наши комнаты выглядели чистыми и новыми. Стены были из рифленого металла, полы были из линолеума, в каждой комнате стояло по пять узких коек с

металлическими рамами, между которых был натянут брезент, матрасами же служили листы поролона. Обогрев осуществлялся крошечным электрическим радиатором, который имел две катушки, причем работала только верхняя. Когда после первой холодной ночи мы пожаловались, нам выдали дополнительные одеяла, и заменили радиатор - у него тоже было две катушки, но на этот раз работала только нижняя, так что мы продолжали мерзнуть. К счастью, через несколько дней погода улучшилась, ночи стали теплее, и мы перестали жаловаться.

Памятуя призывы полковника Йосси обращаться к нему с любыми проблемами, я сообщил ему, что душевых насадок нет и что в комнатах нет ни одного крючка или вешалки. Он выразительно посмотрел на меня и переспросил: "В чем проблема"? Я тут же сказал: "Нет проблем".

Баракы с умывальниками и туалетами были приблизительно на расстоянии 150 ярдов от наших спальных барачков. У раковин был только один кран с холодной водой, но в душевых было два: и для горячей, и для холодной воды. Проблема состояла в том, что кто-то отвинтил душевые насадки, а нагреватель воды был сломан, так что душ - это была труба, из которой хлестала ледяная вода. Стены наших комнат были выкрашены белой краской, и на них не было ничего: ни гвоздя, ни крючка, ни вешалки. Наше имущество лежало на полу у каждой кровати.

"Спасибо, что Вы сообщили мне", - сказал полковник Йосси. " Мы об этом позаботимся . Как можно скорее".

Неделю спустя я взял душевую насадку в доме моего племянника и привинтил ее к трубе. Успех был невероятный - перед этой кабинкой каждое утро стояла длинная очередь. Я спросил у полковника Йосси, будет ли он возражать против мемориальной таблички:

"Душевая насадка, пожертвованная израильским вооруженным силам семейством Фрумкиных", но он посчитал это нескромным.

Самая наша близкая встреча с израильским танком произошла, когда мы поехали в израильский музей танков в Латране. Внутри музея было полно стражи, так что никакой возможности написать мое имя на египетских или сирийских танках, захваченных израильтянами не было. Моей мечте стать израильским Килроем не суждено было сбыться.